

ШЕШТОЕ ЧУВСТВО

психологизмом и тонким гротеском. Это — его жанр. Во всем своем роскошестве такой театр предлагает в своих абсурдистских пьесах Славомир Мрожек. Герой Гаркалина — из этого мира, и не случайно, что в его репертуаре три спектакля по Мрожеку.

Мрожековские пьесы — в чистом виде метафоры: ясны, лаконичны и назидательны, блистательны в завершенности. Какие бы сложные философские проблемы ни ставил автор, решает он их как бы «шутя-играючи», снимая сугубую серьезность иронией и пародированием. Кажется, что этот многомудрый поляк настолько все про все давно понял, что с серьезной миной говорить об очевидном для него уже невозможно. А потому гротеск для Мрожека — дело повседневное, привычное. Прав Дюрренматт, заявивший: «Наш мир точно так же пришел к гротеску, как к атомной бомбе».

ВАЛЕРИЙ ГАРКАЛИН: Мрожек — совершенно особая планета, где идет «другая» жизнь, здесь я абсолютно согласен с Романом Козаком. Артиста, играющего эту «другую» жизнь, Мрожек как бы возвращает к его первоосновам, к первоначалам профессии. Он заставляет артиста отказаться от всех старых штампов, возможно, даже и достоинств, наработанных им за годы работы в театре. Мы чаще привыкли играть психологически узнаваемых, убедительно реалистических героев. Здесь, конечно, знаменитая Система дала себя знать со своим магическим «если», обязательным — «Ты в предлагаемых обстоятельствах».

Так вот Мрожек от всей этой «доверности» предлагает раз и навсегда отказаться и начать с нуля. Мне кажется, что наши актеры в последние времена вообще перестали играть. Я имею в виду именно понятие — «играть», а не выражать себя через роль. Мне то как раз интересно играть кого-то совсем другого, не похожего на меня. И вообще, по-моему, желание быть не самим собой, быть «другим» и есть профессиональное отличие именно артиста, если природа одарила его этим даром.

Мрожек как раз дает мне возможность быть «не самим собой».

Гаркалин очень любит автора. Автора как такового. Без отсбятины, без привнесения дополнительных мотивов и углублений. Эту школу уважения он прошел у Леониды Ханта, у которого учился на кафедре артиста-кукольника. «Помните, — говорил Хант своим ученикам, с которыми по окончании курса создал знаменитый коллектив «Люди и куклы», — ваше счастье, ваш успех — в авторе. Ничего за него додумывать не надо. В нем есть

все. Как только ты от него отойдешь в «отсбятину», он и начнет тебе мстить, причем, в самых неожиданных местах, где ты и не ждешь».

Когда Гаркалин после нескольких лет работы в Театре Образцова начал репетировать с Михаилом Зонненштралем «Контракт» Мрожека, он убедился в словах Ханта со стопроцентной наглядностью. Режиссер решил сократить текст, подредактировать Мрожека — спектакль стал длиннее на целый час! Пришлось вернуться к автору.

После окончания института, когда весь курс во главе с учителем работал в Кемерово в театре «Люди и куклы», Гаркалин постиг крепость острого, яркого, лаконичного и фиксированного жеста, пластического ощущения масштаба, ритма образа; саму природу взаимоотношения артиста с предметами на сцене, умение их физически ощущать и отыгрывать, — все это, несомненно, из тех лет совместного творчества.

У Гаркалина есть роль, успех которой, впрочем, определен именно пластическим решением. Я имею в виду «Стриптиз» Мрожека в Театре-студии «Человек».

Два персонажа оказываются закрытыми в какой-то странной комнате, из которой они безуспешно пытаются вырваться. Все их попытки пресекаются неведомой силой, воплощенной в двух огромных Руках, периодически проникающих в помещение. Дикое метание по комнате, перемежаемое таким же чудным диалогом, заканчивается тем, что эти Руки забирают у них все, что есть, — начиная от портфеля и кончая ботинками. По сути этот час мы присутствуем при разыгрывании притчи о свободе и потребности в ней. При этом актеры (в этом дуэте выделяю Гаркалина) играют изящно, легко и точно по пластике.

Та же отточенная, выразительная пластика и в последней работе по Мрожеку — спектакле «Банан», который поставил Роман Козак.

В свое время, десять лет назад, Ко как блестяще начал свою карьеру именно с Мрожека. Те «Эмигранты» как бы официально открыли путь польскому драматургу на нашу сцену. Неудивительно, что в новую свою работу режиссер пригласил Гаркалина.

В этой изысканной, так и хочется сказать, — шикарной пьесе, все в той же своей изящной манере черного юмора-гротеска, Мрожек разыгрывает историю о непредсказуемости жизни, об обольстительном соблазне Красоты, вдруг оказывающейся Смертью, о тьме и истине, о случайном и вечном. Но этот рафинированный карнавал света, костюмов и режиссерских находок

ценен прежде всего актерскими работами.

Хочется обязательно сказать, насколько хороша и по-актерски точно Елена Шанина.

Гаркалин играет официанта, который очень хорошо, как он сообщает присутствующим в кафе, знаком с загадочной дамой в изысканном туалете, вокруг которой и крутится сюжет. В результате ажурнейших плетений из диалогов и мизансцен, нескончаемых сюжетных перевертышей эта блестящая история заканчивается головокружительным танцем таинственной незнакомки. В самый кульминационный момент этой темпераментной румбы двое незадачливых посетителей падают бездыханными трупами, а официант обреченно склоняет голову.

Казалось бы, исход ясен. Смерть столь красива и соблазнительна, что победа всегда будет за ней. Но роковой танец в исполнении Аллы Сигаловой столь зажигателен, полон страсти и жизни, что начинаешь думать, не начало ли это чего-то совсем нового, непостижимого, закрытого для человека до поры до времени? Ведь эту свою последнюю пьесу (в оригинале — «Вдовы») Мрожек написал полтора года назад, пережив собственную клиническую смерть. Заглянув «туда», он, возможно, обрел последнюю Истину — о нескончаемости жизни и за ее краем?

Упоение игрой, при абсолютном чувстве ансамбля! — хорошо заметно и в самой последней работе артиста — в роли черта в сценах по «Братьям Карамазовым», поставленных В. Саркисовым. К сожалению, приходится отметить, что великий автор «раздавил» режиссера, но отдельные актерские работы — блестящи. Потому монолог черта в исполнении Гаркалина выглядит своего рода отдельным концертным номером.

ВАЛЕРИЙ ГАРКАЛИН: Я просто выучил весь монолог, не опуская ни одного слова, ни одного междометия. Прежде всего, я получил колоссальное наслаждение от текста. Он ярок и самодостаточен сам по себе.

К сожалению, вольные интерпретации текстов — частые гости на нашей сцене. Ярчайший тому пример — спектакль, поставленный Михаилом Зонненштралем в Театре Сатиры «Шизофрения, как и было сказано». Ни много ни мало, это сценическая версия романа Булгакова «Мастер и Маргарита». Роман Булгакова превратился в руках активного интерпретатора в дикуую фантасмагорию, представленную нам через восприятие шизонутого Ивана Бездомного. Естественно, что и концепции обеих ролей, которые исполняет Гаркалин (он играет Мастера и Пилата), весьма сомнительны. А распутывать всю эту шизоидную историю, похоже, у постановщика и нужды не было.

Зато в другой недавней постановке Театра Сатиры «Горячее сердце», простодушной, веселой и Гаркалин играет Курслепова, точно попадая в ясный режиссерский замысел.

У Гаркалина есть и работы в кино, которые дороги ему возможностью испытать себя в новых условиях.

ВАЛЕРИЙ ГАРКАЛИН: Место актера в кино и на сцене различно. Кино — это прежде всего вольная режиссера. Актер здесь, грубо говоря, как двигающаяся декорация, которая не должна помешать общему перемещению в кадре. В театре же, каким бы он ни был авангардным, главное все-таки актер, а режиссер должен «умереть» в нем.

Артист — человек играющий, и пока он будет стремиться к Игре, до тех пор будет томить душу тайна, рождающая в зрителях и свидетелях ее сложное чувство, которое за нехваткой слов я называю, вслед за поэтом, — шестым чувством:

...Так век за веком —
Скоро ли, Господь?
Под скальпелем Природы
и Искусства
Кричит душа,
Изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства...

Татьяна НЕМЧИНСКАЯ.

14.07.94

Гаркалин Валерий